

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев

I

Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина? Теперь они попадаются редко, а лет через десять и последние из них, пожалуй, исчезнут бесследно. Проточный пруд, заросший лозником и камышами, приволье хлопотливых уток, к которым изредка присосеживается осторожный «чирок»; за прудом сад с аллеями лип, этой красы и чести наших черноземных равнин, с заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, в томный час неподвижного полуденного зноя, уж непременно мелькнет пестрый платочек дворовой девушки и зазвенит ее пронзительный голосок; тут же амбарчик на курьих ножках, оранжерея, плохенький огород, со стаей воробьев на тычинках и прикорнувшей кошкой близ провалившегося колодца; дальше – кудрявые яблони над высокой, снизу зеленой, кверху седой травой, жидкие вишни, груши, на которых никогда не бывает плода; потом клумбы с цветами – маком, пионами, анютиными глазками, крыжантами, «девицей в зелени», кусты татарской жимолости, дикого жасмина, сирени и акации, с непрестанным пчелиным, шмелиным жужжанием в густых, пахучих, липких ветках; наконец, господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стеклами в узких рамах, с покатою, некогда крашенной крышей, с балкончиком, из которого выпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголовой старой собакой в яме под крыльцом; за домом широкий двор с крапивою, полынью и лопухами по углам, службы с захватанными дверями, с голубями и галками на пробуравленных соломенных крышах, погребок с заржавелым флюгером, две-три березы с грачиными гнездами на голых верхних сучьях – а там уже дорога с подушечками мягкой пыли по колеям – и поле, и длинные плетни конопляников, и серенькие избушки деревни, и крики гусей с отдаленных заливных лугов... Знакомо ли тебе все это, читатель? В самом доме все немножко набок, немножко расшаталось – а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина; беловатые протоптанные дорожки бегут от дверей по крашеным полам; в передней чижи и жаворонки в крошечных клетках; в углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью: «Strike – silent»[1]; в гостиной портреты хозяев, написанные масляными красками, с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах, а иногда и старая покороблинная картина, представляющая либо цветы и фрукты, либо мифологический сюжет; везде пахнет кваском, яблоком, олифой, кожей; мухи гудят и звенят под потолком и на окнах, бойкий прусак внезапно заиграет усиками из-за зеркальной рамы... Ничего, жить можно – и даже очень недурно можно жить.

II

Вот такую-то усадьбу пришлось мне посетить лет тридцать тому назад... дела давно минувших дней – как изволите видеть. Небольшое именьеце, в котором находилась та усадьба, принадлежало одному моему университетскому товарищу; оно недавно к нему поступило, после смерти троюродного дяди, холостяка, и сам он в нем не жил... Но в недалеком расстоянии оттуда зачинались пространные степные болота, в которых, во время летнего прилета, водилось много дупелей; мой товарищ и я – мы оба были страстные охотники, а потому и сговорились съехаться – он из Москвы, я из своей деревеньки – к Петрову дню в его домик. Приятель мой замешкался в Москве и опоздал двумя днями; я без него не хотел начать охоты. Меня принял старый слуга, по имени Наркиз Семенов: его предупредили о моем приезде. Этот старый слуга нисколько не походил на «Савельича» или на «Калеба»; мой товарищ звал его в шутку «Маркизом». В нем было что-то самоуверенное, даже утонченное, не без достоинства: он смотрел на нас, молодых людей, свысока, но и к другим помещикам не питал особенного уважения; о прежнем барине отзывался небрежно, а свою братью просто презирал – за невежество. Сам он умел читать и писать, выражался правильно и вразумительно – и водки не пил. В церковь ходил редко – так что его раскольником считали. Из себя он был худощав и высок, лицо имел длинное и благообразное, острый нос и нависшие брови, которые он беспреостанно то надвигал, то поднимал; носил просторный, опрятный сюртук и сапоги до колен с вырезанными в виде сердца голенищами.

III

В самый день моего прибытия Наркиз, подав мне позавтракать и убрав со стола, остановился в дверях, пристально посмотрел на меня и, поиграв бровями, промолвил:

– Что же вы, сударь, теперь делать будете?

– А я, право, не знаю. Если бы Николай Петрович слово свое сдержал, приехал – мы бы на охоту вместе отправились.

– А вы, стало, сударь, надеялись, что они так в самый раз и приедут, как обещались?

– Конечно, надеялся.

– Гм. – Наркиз опять посмотрел на меня и как бы с сожалением покачал головою. – Коли чтением позабавиться желательно, – продолжал он, – от старого барина остались книжки; я их, буде угодно, принесу; только вы их читать не станете, так полагать надо.

– Почему?

– Книжки-то пустые; не для теперешних господ писаны.

– Ты их читал?

– Не читал, не стал бы говорить. Сонник, например... это что ж за книга? Ну, есть другие... только вы их тоже не станете читать.

– А что?

– Божественные.

Я помолчал... Наркиз помолчал тоже.

– Главное-то мне досадно, – начал я, – в этакую погоду – дома сидеть.

– В саду прогуляйтесь; а не то в рощу сходите. Тут у нас роща за гумном. Не охочи ли вы рыбу ловить?

– А у вас есть рыба?

– Есть, в пруде. Гольцы, пескари, окуни попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: июль на дворе. Ну... а все-таки попытаться можно... Прикажете удочку снарядить?

– Сделай одолжение.

– Я с вами мальчика пошлю... червей насаживать. А то разве самому пойти? – Наркиз, очевидно, сомневался в том, сумею ли я один справиться.

– Пойдем, пожалуйста, пойдем.

Наркиз улыбнулся молча, но во весь рот, потом вдруг надвинул брови... и вышел из комнаты.

IV

Полчаса спустя мы отправились ловить рыбу. Наркиз надел какой-то необыкновенный, ушастый картуз и стал еще величественнее. Он выступал впереди, степенным, ровным шагом; две удочки мерно колыхались на его плече; босоногий мальчишка нес за ним лейку и горшок с червями.

– Тут, возле плотины, на плоту лавочка устроена для удобства, – начал пояснять мне Наркиз, заглянул вперед и вдруг воскликнул: – Эго! да наши убогие уж тут... Повಾದились!

Я вытянул из-за него голову и увидел на плоту, на той самой лавочке, о которой он говорил, двух сидевших к нам спиной людей: они преспокойно удили рыбу.

– Кто это? – спросил я.

– Соседи, – отвечал с неудовольствием Наркиз. – Дома-то есть им нечего, так вот

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

они к нам и жалуют.

– А им позволяется?

– Препный барин позволял... разве вот Николай Петрович не разрешит... Длинный-то – дьячок из заштатных: совсем пустой человек; ну, а тот, что потолще, – бригадир.

– Как бригадир, – повторил я с изумлением. Одежда на этом «бригадире» была чуть ли не хуже дьячковской.

– Я же вам докладываю: бригадир. И состояние у них было хорошее. А теперь вот из милости угол отведен, и живут... так, чем господь пошлет. Однако, между прочим, как же быть? Заняли они лучшее место... Надо будет дорогих гостей потревожить.

– Нет, Наркиз, пожалуйста, не тревожь их. Мы тут же присядем в стороне: они нам не мешают. Мне с бригадиром хочется познакомиться.

– Как угодно-с. А только что если насчет знакомства... много удовольствия вы, сударь, получить не надеетесь; слабы они очень понятием стали и в «разговорке» тупы... что малый ребенок. И то сказать: восьмой десяток доживают.

– Как его зовут?

– Васильем Фомичом. По фамилии – Гуськов.

– А дьячка как?

– Дьячка-то?... прозвище ему – Огурец. Его здесь все так величают, а какое его настоящее имя – господь ведает! Пустой человек! Как есть проходимец!

– Они живут вместе?

– Нет, не вместе; да черт их... знаете... веревочкой связал.

V

Мы подошли к плоту. Бригадир вскинул на нас глазами... и тотчас устремил их на поплавок; Огурец вскочил, выдернул удочку, снял свою истасканную поповскую шляпу, провел трепетной рукой по жестким, желтым волосам, поклонился наотмашь и засмеялся дряблым смехом. Его припухлое лицо изобличало горького пьяницу; съезженные глазки униженно моргали. Он толкнул своего соседа в бок, как бы давая ему знать, что надо, мол, убираться... Бригадир зашевелился на лавочке.

– Сидите, прошу вас, не беспокойтесь, – поспешно заговорил я. – Вы нам несколько не мешаете. Мы тут поместимся; сидите.

Огурец запахнул свой дырявый балахон, передернул плечами, губами, бородкой... Наше присутствие, видимо, его стесняло... и он бы охотно улизнул, но бригадир снова погрузился в созерцание своего поплавка... «Проходимец» кашлянул раза два, присел на самый край лавочки, положил шляпу на колени и, подобрав под себя свои голые ноги, скромно закинул удочку.

– Ключет? – с важностью спросил Наркиз, медлительно разматывая лесу.

– Штучек пять гольцов залучили, – отвечал Огурец разбитым и сиплым голосом, – да вот они порядочного окунька поймали.

– Да, окунька, – пискливо повторил бригадир.

VI

Я принялся пристально рассматривать – не его, а опрокинутое его отражение в пруде. Оно мне представлялось ясно, как в зеркале, немного темней, немного серебристей. Широкий пруд дышал на нас прохладой; прохладой веяло и от сырого обрывистого берега; и тем слаще была она, что там, над головою, в золотистой и темной лазури, над купами деревьев, ощутительным бременем навис неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; в тени, падавшей на нее с раскидистых прибрежных кустов, блестели, как крохотные светлые пуговки, водяные паучки, описывавшие свои вечные круги; лишь изредка чуть заметная рябь шла от поплавок,

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

когда рыба «шалила» с червяком. Бралась она очень плохо: в течение целого часа мы вытащили двух гольцов и пескаря. Я бы не сумел сказать, почему бригадир возбуждал мое любопытство: чин его не мог на меня действовать; разоренные дворяне и в то время не считались редкостью – и самая его наружность не представляла ничего замечательного. Из-под теплого картуза, закрывавшего всю верхнюю часть его головы до бровей и до ушей, виднелось красное, гладко выбритое, круглое лицо, с маленьким носом, маленькими губками и светло-серыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю беспомощную грусть выражало это смиренное, почти детское лицо; в пухлых белых ручках с короткими пальцами было тоже что-то беспомощное, неумелое... Я никак не был в состоянии себе представить, каким образом этот убогий старичок мог когда-то быть военным человеком, командовать, распоряжаться – да еще в екатерининские суровые времена! Я глядел на него: иногда он надувал щеки и слабо пыхтел, как ребенок, иногда он щурился болезненно, с усилием, как все дряхлые люди. Раз он широко раскрыл и поднял глаза... Они устались на меня из водной глубины – и странно трогательным и даже значительным показался мне их унылый взор.

VII

Я старался заговорить с бригадиром... но Наркиз не обманул меня: бедный старик действительно очень слаб понятием стал. Он осведомился о моей фамилии и, переспросив меня раза два, подумал, подумал и промолвил наконец: «Да у нас, кажись, был такой судья. Огурец, был у нас такой судья – ась?» – «Был, был, батюшка, Василий Фомич, ваше благородие, – отвечал ему Огурец, который вообще обходился с ним, как с ребенком. – Был, точно. А удочку вашу мне пожалуйста: у вас червячок, должно, съеден... Съеден и есть».

– С ломовским семейством изволили быть знакомы? – внезапно, напряженным голосом спросил меня бригадир.

– Какое такое ломовское семейство?

– Какое? – Ну, Федор Иванович, Евстигней Иванович, Алексей Иванович жид, ну, Феодулия Ивановна грабительница... а там еще...

Бригадир вдруг умолк и потупился.

– Самые им близкие были люди, – наклонясь ко мне, шепнул Наркиз, – чрез них, чрез самого этого Алексея Ивановича, что жидом они обозвали, да еще через одну Алексея Ивановичину сестрицу, Аграфену Ивановну, – они, можно сказать, всего состояния лишились.

– Что ты там об Аграфене Ивановне толкуешь? – воскликнул вдруг бригадир, и голова его поднялась, белые брови нахмурились... – Ты смотри у меня! И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна – вот как надо... ее называть.

– Ну-ну-ну-ну, батюшка, – залепетал было Огурец.

– Ты разве не знаешь, что про нее Милонов-стихотворец сочинил? – продолжал старик, внезапно войдя в совершенно мною неожиданный азарт. – «Не брачные свечи возженны, – начал он нараспев, произнося все гласные в нос, а слоги „ан“ и „ен“ – как французские an, en, – и странно было слышать из уст его эту связную речь, – не факелы...» Нет, это не то, а вот:

Не бранным тления кумиром,
Не амаранфом, не порфиром
Столь услаждаются они...
Одно лишь в них...
Это про нас. Слышишь?

Одно лишь в них непреткновенно,
Приятно, томно, вожделенно:
Взаимный жар питать в крови!
А ты – Аграфена!

Наркиз усмехнулся полупрезрительно, полуравнодушно.

– Эх-ма, каженник! [2] – проговорил он про себя. Но бригадир уже опять потупился

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– удочка вывалилась из его руки и соскользнула в воду.

VIII

– А что, как я погляжу, дело-то наше – дрянь, – промолвил Огурец, – рыба, вишь, не клюет вовсе. Уж жарко больно стало, а нашего барина «мехлюдия» [3] постигла. Видно – домой пойти; лучше будет. – Он осторожно достал из кармана жестяную фляжку с деревянной пробочкой, откупорил ее, насыпал себе на соколок табаку – да и дернул по обеим ноздрям разом... – Эх, табачок! – простонал он, приходя в чувство, – ажно тоска по зубам заиграла! Ну, голубчик Василий Фомич, извольте подниматься – пора!

Бригадир встал с лавочки.

– Далеко вы отсюда живете? – спросил я Огурца.

– Да они-то вот недалеко... и версты не будет.

– Позвольте вы мне проводить вас? – обратился я к бригадиру. Мне не захотелось отстать от него.

Он посмотрел на меня и, улыбнувшись той особенной, важной, вежливой и несколько жеманной улыбкой, которая, не знаю как другим, а мне всякий раз напоминает пудру, французские кафтаны с стразовыми пуговицами – вообще восемнадцатый век, – проговорил с старомодной расстановкой, что «о-чен-но будет рад»... и тотчас опять опустился. Екатерининский кавалер мелькнул в нем на мгновение – и исчез.

Наркиз удивился моему намерению; но я не обратил внимания на неодобрительное покачивание его ушастого картуза и вышел из сада вместе с бригадиром, которого поддерживал Огурец. Старик двигался довольно быстро, как на деревяшках.

IX

Мы шли чуть-чуть проторенной тропинкой, по травянистой долине, между двумя березовыми рощами. Солнце пекло; иволги перекликались в зеленой чаще, коростели трещали возле самой тропинки, голубенькие бабочки перелетывали стайками по белым и красным цветам низкого клевера; пчелы, словно сонные, путались и вяло жужжали в недвижной траве. Огурец встряхнулся, оживился; Наркиза он боялся – он жил у него под глазами; я был ему чужой, заезжий – со мною он скоро освоился. «Вот, – зачастил он, – наш барин – постник, что толковать! А одним окуньком – как тут сыту быть? Разве вы, ваше благородие, что пожертвуете? Тут сейчас за поворотом в кабачке – отличные калачики-ситнички. А коли милость будет, так и аз многогрешный при этом случае за ваше здравие – долголетие-долгоденствие шкальчик выкушаю». Я дал ему двугривенный и едва успел отдернуть руку, которую он бросился лобызать. Он узнал, что я охотник, и пустился толковать о том, что у него есть хороший знакомый офицер, у которого шведское мин-дин-ден-герровское ружье с медным стволом – что твоя пушка! выпалишь – так словно забытье найдет: после французов осталось!.. и собака – просто игра природы! что он сам всегда большую страсть к охоте имел, и поп бы ничего – вместе с ним перепелов лавливал, – да благочинный до бесконечности его затиранил; а что до Наркиза Семеныча, – промолвил он нараспев, – так ежели я по ихнему понятию необычайный человек на сем свете есть – и я на то доложу: отрасли они себе брови не хуже тетерева да и полагают, что чрез то все науки произошли. – Тем временем мы подошли к кабачку – одинокой ветхой избушке без задворка и клетки; отошала собака лежала, свернувшись, под окошком; курица копалась в пыли перед самым ее носом. Огурец усадил бригадира на завалинке и мгновенно шмыгнул в избушку. Пока он покупал калачики да подносил себе шкалик – я глаз не сводил с бригадира, который, бог ведает почему, мне представлялся загадкой. В жизни этого человека – думалось мне – наверное произошло что-нибудь необыкновенное. А он, казалось, и не замечал меня вовсе; сидел, сгорбившись, на завалинке и перебирал в пальцах несколько гвоздик, сорванных им в саду моего приятеля. Огурец появился наконец со связкой калачиков в руке; появился весь красный и потный, с выражением радостного удивления на лице, как будто он только что увидел нечто чрезвычайно приятное и для него неожиданное. Он тотчас предложил бригадиру откусать калачика – и тот откусал. Мы отправились далее.

X

В силу выпитой водки Огурца совершенно, как говорится, «разлимонило». Он принялся утешать бригадира, который продолжал спешить вперед, пошатываясь, как на деревяшках.

– Что вы, батюшка барин, невеселы, нос повесили? Позвольте, я вам песенку спою. Сейчас всякое удовольствие получите... Вы не извольте сумлеваться, – обратился он ко мне, – барин у нас пресмешливый, и боже ты мой! Вчерась я гляжу: баба на плоту портки моет – да толстая же и попалась баба – а они сзади стоят да от смеху так и киснут, ей-богу!.. Вот позвольте сейчас: про зайца песню знаете? Вы не глядите на меня, что я невзрачен есть; у нас тут в городе цыганка живет, рыло рылом – а запоет: гроб! ложись да помирай.

Он широко раскрыл свои мокрые красные губы и запел, загнув голову набок, закрыв глаза и потряхивая бородкой:

Лежит заяц под кустом;
Ездят охотнички по пустом...
Лежит заяц, еле дышит –
Между тем он ухом слышит –
Смерти ждет!
Чем вам, охотнички, я досадил?
Иль какую бедушку учинил?
Я в капустах хоть бываю,
По одному листу съедаю –
И то не у вас!
Да-с!
Огурец все более задавал форсу:

Скакнул заяц в темный лес –
И охотничкам фост поднес.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостик поглядите –
Я не ваш!
Огурец уже не пел... Он орал:

Ездили охотники до су-так...
Разбирали заячий па-сту-пак...
Меж собой всё толковали
И друг дружку обругали:
Заяц-то не наш!
Косой обманул!!

Первые два стиха каждого куплета Огурец пел протяжным голосом – остальные три, напротив, очень живо, причем щеголевато подпрыгивал и переступал ногами; по окончании же куплета откалывал «колено», то есть ударял самого себя пятками. Воскликнув во все горло: «Косой обманул!», он перекувырнулся... Ожидания его оправдались. Бригадир вдруг залился тонким слезливым хохотом, да так усердно, что дальше идти не мог – и слегка присел, бессильно похлопывая руками по коленкам. Я глядел на его побагровевшее, судорожно искривленное лицо, и очень мне жаль его стало – именно в это мгновенье. Воодушевленный успехом, Огурец пустился вприсядку, беспрестанно приговаривая: «Шилды-будылды да начики-чибалды!..» Он ткнул наконец носом в пыль... Бригадир внезапно перестал хохотать и заковылял дальше.

XI

Мы прошли еще с четверть версты. Показалась маленькая деревушка на краю неглубокого оврага; в стороне виднелся «флигелек» с полуразметанной крышей и одинокой трубой; в одной из двух комнат этого флигелька помещался бригадир. Владетельница деревушки, постоянная обитательница Петербурга, статская советница Ломова, отвела – как я узнал впоследствии – этот уголок бригадиру. Она велела выдавать ему месячину, а также приставить к нему для услужения проживавшую в той же деревне дурочку из дворовых, которая, хотя и плохо понимала человеческую речь, однако могла, по мнению советницы, и пол подмести и щи сварить. На пороге флигелька бригадир снова обратился ко мне с прежней екатерининской улыбкой: не угодно ли, мол, мне пожаловать в его апартамент? Вошли мы в этот «апартамент». Все в нем было до крайности грязно и бедно, так грязно и так бедно, что бригадир, вероятно заметив по выражению моего лица, какое впечатление произвело на меня его жилище, промолвил, пожав плечами и прищурившись: «Се-не-па... цль-де-пердри»... [4] Что, собственно, хотел он этим сказать – осталось мне совсем ясным... Заговорив с ним по-французски, я не получил ответа на этом языке. Два предмета особенно поразили меня в жилище бригадира: во-первых, большой офицерский георгиевский крест в черной раме, под стеклом, с надписью

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
старинным почерком: «Получен полковником Черниговского Дерфельдена полка Василием Гусковым за штурм Праги в 1794-м году»; а во-вторых, поясной масляный портрет красивой черноглазой женщины с продолговатым и смуглым лицом, высоко взбитыми и напудренными волосами, с мушками на висках и подбородке, в пестром вырезном роброне с голубыми оборками, эпохи восьмидесятых годов. Портрет был плохо написан – но, наверное, очень схож: чем-то слишком жизненным и несомненным веяло от этого лица. Оно не глядело на зрителя, как бы отворачивалось от него и не улыбалось; в горбине узкого носа, в правильных, но плоских губах, в почти прямой черте густых сдвинутых бровей сказывался повелительный, надменный, вспыльчивый нрав. Не нужно было особого усилия, чтобы представить себе, как это лицо могло внезапно загораться страстию или гневом. Под самым портретом, на небольшой тумбочке, стоял полузавядший букет простых полевых цветов в толстой стеклянной банке. Бригадир приблизился к тумбочке, воткнул в банку принесенные им гвоздики и, обернувшись ко мне и подняв руку в направлении портрета, промолвил: «Агриппина Ивановна Телегина, Ломова урожденная». Слова Наркиза пришли мне на память: я с удвоенным вниманием посмотрел на выразительное и недоброе лицо женщины, из-за которой бригадир всего состояния лишился.

– Вы, я вижу, присутствовали при штурме Праги, господин бригадир, – начал я, указывая на георгиевский крест, – и удостоились получить знак отличия, во всякое время редкий, а тогда подавно; вы, стало быть, помните Суворова?

– Александра Васильича-то? – отвечал бригадир, помолчав немного и как бы собираясь с мыслями, – как же, помню, маленький был, живой старичок. Ты стоишь, не чукнешь – а он туды-сюды (бригадир захохотал). В Варшаву-то на казачьей лошади въехал; сам весь в бралаантах, а полякам говорит: «Нету у меня часов, в Питере забыл, нету, нету!», а они-то: «Виват! виват!» Чудаки! Эй! Огурец! малый! – прибавил он вдруг, переменяя и возвысив голос (балагур-дьячок оставался за дверью), – где ж калачики-то? Да Груньке скажи... как бы кваску!

– Сейчас, батюшка барин, – послышался голос Огурца.

Он вручил бригадиру связку ситничков и, выйдя из флигелька, подошел к какому-то взъерошенному существу в лохмотьях, должно быть, самой той дурочке Груньке – и, сколько я мог разобрать сквозь запыленное окошко, начал требовать от нее «кваску» – ибо несколько раз сряду приставлял одну руку воронкой ко рту, а другую махал в нашу сторону.

XII

Я снова попытался вступить в беседу с бригадиром; но он, видимо, устал, опустил, кряхтя, на лежанку и, простонав: «ой, ой, косточки, косточки», развязал свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, как это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразил, что в прежнее время все их носили. Бригадир принялся зевать продолжительно и откровенно, не спуская с меня отупелых глаз: так зевают очень маленькие дети. Бедный старик, казалось, не совсем даже понимал мои вопросы... И он брал Прагу! Он, со шпагой наголо, в дыму, в пыли – в челе суворовских солдат, простреленное знамя над головой, обезображенные трупы под ногами... Он... он?! Не удивительно ли? Но мне все-таки сдавалось, что в жизни бригадира происходили события еще более необыкновенные. Огурец принес белого квасу в железном ковшике; бригадир напился с жадностью – руки его тряслись. Огурец поддерживал дно ковшика. Старик старательно отер свой беззубый рот обеими ладонями – и снова, уставившись на меня, зажевал и зачмокал губами. Я понял, в чем дело, раскланялся и вышел из комнаты.

– Теперь почивать будут, – заметил Огурец, выступая за мною. – Очень уж уморились сегодня – на могилку с утра ходили.

– На чью могилку?

– А к Аграфене Ивановне на поклонение... Они тут у нас в приходском кладбище похоронены; верст отсюда пять будет. Василий Фомич каждую неделю беспременно к ним ходят. Да он же их и похоронил и ограду поставил на свой кошт.

– А давно она скончалась?

– Да лет почитай с двадцать.

– Она ему приятельницей была, что ли?

– Всю жисть, как есть, с ними провели... помилуйте. Сам я барыни той, признаться, не знавал – а, говорят, промеж их дела были... нну! Господин, – поспешно прибавил дьячок, видя, что я отвернулся, – не соблаговолите ли, не пожалуете ли «още» на шкалик – а то мне пора в пуньку[5] да под шептуху[6].

Я не почел за нужное расспрашивать Огурца – дал ему еще двугривенный – и отправился домой.

XIII

Дома я обратился за сведениями к Наркизу. Он, как и следовало ожидать, поломался немного, поважничал, выразил свое удивление, что меня такие пустяки «антересовать» могут, и, наконец, рассказал, что знал. Я услышал следующее:

Василий Фомич Гуськов познакомился с Аграфеной Ивановной Телегиной в Москве, вскоре после польского погрома; муж ее служил при генерал-губернаторе, а Василий Фомич находился в отпуску. Он тогда же в нее влюбился, но в отставку не выходил: человек он был одинокий, лет сорока, с состоянием. Муж ее вскоре умер. Она осталась после него бездетной, в бедности, в долгах... Василий Фомич узнал об ее положении, бросил службу (ему дали при отставке бригадирский чин) и отыскал свою любезную вдовушку, которой всего двадцать пятый год пошел, заплатил все ее долги, выкупил имение... С тех пор он уже с нею не расставался и кончил тем, что поселился у нее. Она тоже словно полюбила его, но выйти за него замуж не хотела. «Блажная была покойница, – заметил при этом Наркиз, – мне, говорит, своя воля дороже всего». А пользоваться им – она пользовалась, «во всех частях» – и деньги, какие у него были, он все к ней тащил, как «муравей». Но блажь Аграфены Ивановны принимала иногда размеры необычайные: нраву она была неукротимого и на руку дерзка... Однажды она с лестницы своего казачка столкнула, а тот возьми да переломи себе два ребра да ногу... Аграфена Ивановна испугалась... тотчас велела запереть казачка в чулан, и до тех пор сама из дому не выходила и ключ от чулана никому не отдала, пока не прекратились в нем стенанья... Казачка тайком похоронили... И будь это при императрице Екатерине, – прибавил шепотом, пригнувшись, Наркиз, – может, и так бы дело обошлось, много таких делов тогда осталось под спудом, а то... – тут Наркиз выпрямился и возвысил голос, – воцарился тогда справедливый государь Александр Благословенный... ну, и завязалось дело... Приехал суд, отрыли тело... оказались боевые знаки... пошел дым коромыслом. И как же вы полагаете? Василий Фомич все на себя взял. «Я, мол, причиной, я толкнул, да я же и запер». Ну, разумеется, сейчас все судьи там, приказные, полицейские... на него, да на него, и до тех пор, доложу вам... его трепали, пока последний грош из кошмы не выскочил. Нет, нет... да опять за ворот. До самого француза – вот как француз к нам в Расею приходил – всё трепали; тогда только бросили. Ну, а Аграфену Ивановну он обеспечил – точно; он ее спас – так сказать надо. Ну и после, до самой ее кончины, он у ней жил, и, сказывают, помыкала же она им – бригадиром-то – зря; пешком из Москвы в деревню посылала, ей-богу – за оброком, значит. Он из-за нее, из-за самой тоё Аграфены Ивановны, с английским милордом Гузе-Гузом на шпантонах дрался; и английский милорд должен был произнести извинительный комплимент. Так вот он, бригадир-то, с тех мест и скопытился... Ну, а теперь уж он, конечно, не в числе человек.

– Кто же этот Алексей Иваныч жид, – спросил я, – через кого он разорился?

– А братец Аграфены Ивановны. Алчная была душа, уж точно жидовская. Сестре в рост деньги отдавал, а Василий Фомич поручителем. Поплатился тоже... лихо!

– А Феодулия Ивановна грабительница? Это... кто была?

– Тоже сестрица... и ловкая тоже. Копье, что называется... бедовая!

XIV

«Вот где проявился Вертер!» – думал я на следующий день, снова направляясь к жилищу бригадира. Я был тогда очень молод – и, быть может, именно потому и считал своей обязанностью не верить в продолжительность любви. Все же я был поражен и несколько озадачен слышанным мною рассказом, и ужасно мне захотелось расшевелить старика, заставить его разговориться. «Сперва упомяну опять о Суворове, – так рассуждал я с самим собою, – должна же в нем таиться хоть искра прежнего огня... а потом, когда он разогреется, наведу речь на эту... как бишь ее?... Аграфену Ивановну. Странное имя для „Шарлотты“ – Агра-фена!»

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Я застал Вертера-Гуськова посреди крохотного огорода, в нескольких шагах от флигелька, возле старого, крапивой поросшего сруба никогда не выведенной избы. По заплесневшим верхним бревнам этого сруба с писком пробирались, беспрепятственно скользя и хлопая крыльями, тщедушные индюшата. На двух-трех грядках росла кое-какая убогая зелень. Бригадир только что вытащил из земли молодую морковь и, продернув ее у себя под мышку – «для очищения», – принялся жевать ее тонкий хвостик... Я поклонился ему и осведомился об его здоровье.

Он, очевидно, не узнал меня, хотя и отдал мне мой поклон – то есть прикоснулся рукой к картузу, не переставая, однако, жевать морковь.

– Сегодня вы не пришли ловить рыбу? – начал я, в надежде напомнить ему мою фигуру этим вопросом.

– Сегодня? – повторил он и задумался... а морковь, воткнутая в его рот, сокращалась да сокращалась. – Да ведь это Огурец ловит рыбу!.. А мне тоже позволяют.

– Конечно, конечно, почтеннейший Василий Фомич... Я не с тем... Но вам не жарко... этак на солнце?

На бригадире был толстый ваточный халат.

– А? Жарко? – повторил он опять, как бы недоумевая, и, окончательно проглотив морковь, рассеянно посмотрел вверх.

– Не угодно ли пожаловать в мой апартамент? – заговорил он внезапно. У бедного старика, видно, одна только эта фраза и осталась в распоряжении.

Мы вышли из огорода... но тут я невольно остановился. Между нами и флигелем стоял огромный бык. Склонив голову до самой земли, злобно поводя глазами, он тяжело и сильно фыркал и, быстро сгибая одну переднюю ногу, высоко взбрасывал пыль своим широким раздвоенным копытом, бил хвостом себе по бокам и вдруг немного пятился, упорно тряс мохнатой шеей и мычал – негромко, жалобно и грозно. Я, признаюсь, смутился; но Василий Фомич преспокойно выступил вперед и, проговорив строгим голосом: «Ну ты, деревенщина», – махнул платком. Бык еще попятился, склонил рога... и вдруг бросился в сторону и побежал, мотая головой направо и налево.

«А он точно брал Прагу», – подумал я.

Мы вошли в комнату. Бригадир стащил картуз со вспотевших волос, воскликнул: «Фа!..», прикорнул на край стула... и понурился...

– Я зашел к вам, Василий Фомич, – начал я свои дипломатические апроши, – собственно, за тем, что так как вы служили под начальством великого Суворова – вообще участвовали в таких важных событиях, – то для меня было бы весьма интересно знать подробности...

Бригадир уставился на меня... Лицо его странно оживилось – я уже ожидал если не рассказа, то по крайней мере одобрительного, сочувственного слова...

– А я, господин, должно, скоро умру, – проговорил он вполголоса.

Я пришел в тупик.

– Как, Василий Фомич, – вымолвил я наконец, – почему же вы... это полагаете?

Бригадир внезапно задергал руками – вверх, вниз – опять-таки по-ребячьи.

– А потому, господин... Я... вы, может, знаете... Агриппину Ивановну покойницу – царство ей небесное! – часто во сне вижу, и никак я ее поймать не могу; все гоняюсь за нею, а не поймаю. А в прошлую ночь – вижу я – стоит она этак будто передо мной в полоборота и смеется... Я тотчас же к ней побег – и поймал... И она будто обернулась вовсе и говорит мне: «Ну, Васенька, теперь ты меня поймал».

– Что же вы из этого заключаете, Василий Фомич?

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– А то, господин, заключаю: стало, вместе нам быть. Да и слава богу, доложу вам; слава господу богу, отцу и сыну и святому духу (бригадир запел) – и ныне и присно и во веки веков, аминь!

Бригадир начал креститься. Больше я ничего от него добиться не мог – так и ушел.

XV

На следующий день мой приятель приехал... Я упомянул о бригадире, о моих посещениях... «Ах, да! как же! я его историю знаю, – отвечал мой приятель, – я и со статской советницей Ломовой хорошо знаком, по милости которой он тут приютился. Да постой, у меня, кажется, здесь должно письмо его храниться, к той самой статской советнице; она ему в силу этого письма и уголок отвела». Приятель мой порылся в своих бумагах и действительно нашел письмо бригадира. Вот оно от слова до слова, за исключением орфографических ошибок. Бригадир, как все люди тогдашней эпохи, путался в буквах «е» и «±», – писал: «хкому, штоп, слюдми» и т. д. Сохранить эти ошибки не предстояло надобности: письмо его и без того носит отпечаток своего времени.

«Милостивая государыня! Раиса Павловна!

По кончине друга моего, а вашей тетушки, имел я счастье писать к вам два письма, первое июня от первого, второе же июля от шестого числа 1815 года – а она скончалась шестого мая того ж года; в них был я вам открыт в чувствах души и сердца моего, которые стеснены были убийственным оскорблением и изображали в полном виде ожесточенное мое и жалости достойное отчаяние; оба письма посланы по полной почте страховыми, а посему и не можно усумниться, чтоб они не были вами прочтены. Чрез откровенность мою в них я надеялся получить ваше благодетельное ко мне внимание; но сострадательные ваши чувства отдалены были от меня, горького! Оставшись же после единственного друга, Агриппины Ивановны, в самом расстроенном и бедственном состоянии, я только и полагал, по словам ее, всю мою надежду на ваше благоутробие; она, чувствуя уже кончину жизни своей, сказала мне именно сими, яко бы надгробными и мне вечно памятными словами: «Друг мой, я твоя змея и виновница всего твоего несчастья, я чувствую, сколько много ты мне жертвовал, и за то оставляю тебя в злополучном и воистину обнаженном положении; по смерти моей прибегни ты к Раисе Павловне» – то есть к вам – «и проси у ней помощи, зывай! Она имеет душу чувствительную, и в ней я уверена, что она тебя, сироту, не оставит». Милостивая государыня, примите во свидетельство всевышнего создателя мира, что это ее слова, и я говорю ее языком; а посему, утвердись в добродетели вашей, к первой к вам отнесся с чистосердечными и откровенными моими письмами; но по долговременном ожидании не получа на них ответа, иначе не мыслил, что добродетельное ваше сердце оставило меня без внимания! Таковое неблагоприятное положение ваше ко мне в вѣщее меня ввергло отчаяние – куды ж и к кому было мне, бесталанному, прибегнуть – я не знал; рассудок был потерян, дух блуждал – наконец, к совершенной моей гибели провидению угодно было еще жесточайшим образом меня наказать и обратить мои мысли к покойнице же, вашей же тетушке, Феодулии Ивановне, Агриппины Ивановны сестре единоутробной, но не единосердной! Представя самому себе в воображении то, что уже двадцать лет был я предан всему родственному ломовскому вашему дому – особливо же Феодулии Ивановне, которая иначе не называла Агриппину Ивановну, как «сердечный мой дружочек», а меня «препочтенный радетель нашего семейства», – представя все сие в обильной воздыханиями и слезами тишине скорбных ночных бдений, я подумал: «Ну, бригадир, так, видно, тому и быть!» – и, обратившись к оной Феодулии Ивановне с моими письмами, получил точное удостоверение, что последнюю кроху со мной разделят! Быв сим обещаньем обнадежен, собрал убогие свои остатки и поехал к Феодулии Ивановне! Привезенные мною гостинцы, более как на пятьсот рублей, были приняты с отменным удовольствием; а потом и деньги, которые я привез для содержания себя, Феодулии Ивановне угодно было, под видом сохранения, взять в свое ведение, чему, угождая ей, я не противился. Если же вы спросите меня: отколе и в силу чего такое доверие я возымел, – на сие, сударыня, один ответ: Агриппине Ивановне сестра и ломовского семейства ветвь!! – Но увы и ах! денег сих я всех вскорости лишился, и надежда моя, которую я полагал на Феодулию Ивановну, – что хотела последнюю кроху со мной разделить, оказалась тщетной и суетной: напротив, она же Феодулия Ивановна моим же добром себя угобзила. А именно, в день ее ангела, пятого февраля, я ей зеленой французской материи на пятьдесят рублей, по пяти рублей аршин, преподнес; сам же из обещанного получил: белого пике на жилет на пять рублей да кисейный на шею платок, которые подарки при мне же были куплены и, как мне известно, из моих же денег – и вот все, чем я, по благодаянию Феодулии Ивановны ко мне, воспользовался! Вот она же последняя

Бригадир. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

кроха! И я бы мог далее в самой истине обнаружить все недоброжелательные феодулии Ивановны со мной поступки – а также и мои, всяческую меру превосходящие депансы, как-то, между прочим, на конфеты и фрукты, которые феодулия Ивановна была великая охотница кушать; но все сие умалчиваю для того, дабы вы таковое объяснение об умершей не отнесли в дурную сторону; и притом, так как бог призвал ее к себе на суд – и все, что я от нее претерпел, из сердца моего истребилось, – то я ей, как христианин, простил давно и умоляю бога, чтобы он ей простил!!

Но, милостивая государыня, Раиса Павловна! Неужели ж вы обвиняете меня за то, что я был верным и неложным другом вашего семейства, и за то, что так много и непреодолимо любил Агриппину Ивановну, жертвовал ей моей жизнью, моей честью и всем моим состоянием! был в совершенной ее власти и потому не мог уже управлять ни самим собою, ни моей собственностью – а распорядилась она по своей воле как мною, так и моим состоянием! Вам известно и то, что по делу ее с людьми ее я терплю невинно убийственное оскорбление – дело сие я перенес после смерти ее в сенат, в шестой департамент – оно еще теперь не решено, – по которому сделали меня соучастником с нею, отдали в опеку и всё еще судят уголовным судом! В моем звании, в мои лета, таковое бесчестие несносно мне; и остается мне только сим горестным размышлением убажывать свое сердце, что, следовательно, и по смерти Агриппины Ивановны я страдаю за нее, – и сие означает следы неизменной любви и добродетельной благодарности моей к ней!

В упомянутых моих к вам письмах я доводил до сведения вашего о похоронах Агриппины Ивановны со всею подробностью – и какое было по ней поминовение; дружба и любовь моя к ней по состоянию ничего не щадили! На все сие – и с сорокоустами, и за шесть недель за чтение по ней псалтыри (сверх того, пятьдесят рублей ассигнациями мои пропали, кои даны в задаток за камень, о котором я вас уведомил), – на все сие издержано собственных моих денег семьсот пятьдесят рублей ассигнациями, в числе которых и внесенные заместо вклада в церковь полтораста рублей ассигнациями ж!

Благодарная душа твоя, внемли гласу отчаянного и вверженного в пропасть жесточайших мучений! Одно сострадание твое к человеколюбию может возвратить жизнь погибшего!! Я хотя и жив – но в страдании души и сердца моего мертв; мертв, когда вспомню, чем был и что емь: был воином и отечеству всею правдою служил и прямил, как истому россиянину и верному подданному несомненно надлежит, – и отменными знаками награждаем был, – и состояние, сообразное с рождением и званием имел; а ныне из-за насущного хлебопитания горбом хребет сгибаю; мертв же особенно я емь, когда вспомню, какого друга лишился... И на что мне жизнь после сего? Но предела своего не ускоришь, и земля не расступится, а скорее того в камень обратится! А потому взываю к тебе, душа добродетельная, утиши молву народную, не дай себя в общее осуждение, что за таковую мою безграничную преданность я пристанища себе не имею, удиви милостию твоею ко мне, обрати язык злобствующих и завидующих к прославлению твоих достоинств – и осмелюсь со всяческим смирением присовокупить, – утешь во гробе дражайшую тетку твою, незабвенную Агриппину Ивановну, которая за твою благопоспешную помощь, моими грешными молитвами, прострет над главою твоею свои благословящие длани, успокой на закате дней одинокого старца, который не такую мог ожидать себе участь!.. А впрочем, с глубочайшим почтением имею счастье назваться вашим, милостивая государыня, преданнейшим слугою

Василий Гуськов, бригадир и кавалер».

XVI

Несколько лет спустя я снова посетил деревушку моего приятеля... Василия Фомича уже давно в живых не было: он скончался вскоре после моего знакомства с ним. Огурец все еще здравствовал. Он свел меня на могилку Аграфены Ивановны. Железная ограда окружала большую плиту с подробной и пышной эпитафией покойницы; а тут же, рядом, и как бы у ног ее, виднелся небольшой холмик с покривившимся крестом; раб божий, бригадир и кавалер Василий Гуськов покоился под этим холмиком... Прах его приютился наконец возле праха того существа, которое он любил такой безграничной, почти бессмертной любовью.

1867

Примечания

1

«Бьют – молчат» (англ.).

2

Каженник – идиот, чудака.

3

Мехлюдия – меланхолия.

4

«Ce n'est pas... oeil de perdrix». – Это не птичий глаз (фр.).

5

Клеть.

6 Одеяло из грубого сукна.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!